

(*El canto errante*, 1907); «Поэмы осени и другие стихи» (*Poema del otoño y otros poemas*, 1910); «Песнь Аргентине и другие стихи» (*Canto a la Argentina y otros poemas*, 1914). К этому следует добавить многочисленные стихотворения, собранные в книгу только после его смерти. Лучшее издание поэзии Дарио было осуществлено в Мексике издательством *Fondo de Cultura Económica* в 1952 г. В него входят все поэтические книги Дарио и включена подборка других текстов. Главный редактор издания — Эрнесто Мехиа Санчес; автор блестящего пролога — Энрике Андерсон Имберт.

[5] В коротком стихотворении без названия, начинающемся строкой «¡Oh terremoto mental!» (О душевное сотрясение!), есть прямая цитата из Бодлера.

РУБЕН ДАРИО

ИНОСТРАННЫЕ ПИСАТЕЛИ В ПАРИЖЕ⁵⁷

От переводчика:

Эссе Рубена Дарио (1867–1916) «Иностранные писатели в Париже» (1911) посвящено восприятию латиноамериканскими писателями французской культуры. Перу Дарио принадлежит целая серия очерков о поэтах, чье творчество оказало влияние на его литературные вкусы — о Верлене, Леконте де Лиле, Вилье де Лиль-Адане, Жане Мореасе а также о Гюго, Ростане и др. Эссе, публикуемое на русском языке впервые, представляет собой обобщение размышлений Рубена Дарио о процессе освоения латиноамериканцами европейских культурных критериев. В качестве ракурса рассмотрения проблемы избран Париж, как «поэтическая столица мира», по выражению Дарио, приобщение к парижскому образу жизни тех, кого привели сюда с другого континента юношеские грезы и мечты о славе. В фокусе внимания Рубена Дарио оказываются траектории литературных судеб Энрике Гомеса Каррильо, Тулио Мануэля Сестеро, Аугусто де Армаса и др. Кто из латиноамериканцев рубежа веков гармонично ассимилировался и принят славным городом Парижем? Кому суждено было потерять свою идентичность? Кто сохранил ее, не оставив в своем творчестве почти никаких следов былых увлечений? Все эти вопросы волновали и самого Рубена Дарио и, погружаясь в них, он приходит иногда к выводам, для себя неожиданным. Намечаются и определенные подходы к проблеме восприятия «другого». Интерес представляют суждения автора о соотношении различных литературных направлений, в частности, оценки романтизма, парнасской школы, символизма, сыгравших свою роль в возникновении новых направлений латиноамериканской литературы.

Татьяна Балашова

⁵⁷ Перевод с исп. Т.В. Балашовой. Перевод выполнен по изд.: Dario R. *Obras completas*. Т. 1. *Crítica y ensayo*. Madrid: Afrodísio Aguado, 1950: 460–468.

Париж пленяет, завораживает, оставляет свой след в душе каждого; однако, глубина восприятия города зависит от темперамента человека, особенностей его видения мира. Париж пьянит, как хорошее вино, но есть на свете люди, на которых такая интоксикация не действует. А для иных французская столица превращается в город порока, необузданных страстей. Я говорю о гармоничном времени — когда ты полностью погружен в парижский образ жизни, а жить в Париже — подлинное наслаждение, и особое искусство. Он кружит голову на расстоянии. Японец, креол, русский, мулат или американец — все подвластны его неборимому притяжению. Париж — это рай, где царит искусство, и чувствуется это сразу, едва попадаешь в город. Магия очарования всюду — в атмосфере, нравах, изяществе архитектурных линий... Но истинное волшебство города — женщина. Парижанку можно встретить лишь в Париже, как утверждают наши дорогие мэтры — господин де Ла Палис⁵⁸ и Перогульо⁵⁹. Правда, очарование этого города переменчиво: то угасает, то становится интенсивнее, — в зависимости от возраста и характера, жизненного опыта и устремлений человека. А вот национальность особой роли не играет. Знаю я двух испанцев, уроженцев страны басков, которые остались к Парижу равнодушны — Мигель де Унамуно и Рамирес де Маэсту. И напротив, встречал многих басков, с удовольствием поселившихся в Париже, — бросают деньги на ветер, улетая ввысь в мечтах и страстных порывах, как и свойственно настоящим южанам. И в писательской среде, и у художников различия в восприятии Парижа, конечно, существуют. Французское мироощущение на одних оказывает сильное воздействие, в творчестве других проявляется менее заметно, а есть и вовсе «бесчувственные». Если говорить об иностранцах, то румыны и левантийцы наиболее подвержены ассимиляции. Испанцы всегда сопротивляются. Выходцев из стран Латинской Америки Париж может и полностью поглотить, и совсем не затронуть своим влиянием. Вот несколько примеров.

⁵⁸ Жак де Шабанн де Ла Палис (1470–1525) — французский аристократ, маршал, участник Итальянских войн. Лапалиссиада — утверждение само собой разумеющегося. С личностью господина де Ла Палиса это соотносится, т.к. именно про него сказано: «Если б он не был мертв, ему бы завидовали», а неверное прочтение одного слова (en vie вместо en vie) породило типичную лапалиссиаду — «Если бы он не был мертв, он был бы жив». *Здесь и далее постраничные примечания переводчика. — Т.Б.*

⁵⁹ Перогульо Педро Грульо (Perogrullo, Pedro Grullo) — фольклорный персонаж. Есть документы, подтверждающие, что прототип — реальный человек, живший в Испании в XV веке. Упоминается у Кеведо, Сервантеса. Перогульда (perogrullada) — настойчивое разъяснение очевидных истин.

Маркиз де Рохас⁶⁰ прожил во французской столице не одно десятилетие. Искушенный дипломат, он знал королевские Дворы Европы, был знаком с коронованными особами. Увлекался литературой, писал исторические очерки, хорошо разбирался в экономике и финансах. Вкусы и манеры маркиза выдавали истинного аристократа; он так гармонично отдался течению парижского бытия, что пребывал в добром здравии и бодрости духа до глубокой старости, чем по праву гордился. Но любой, кто общался с ним, понимал: несмотря на долгие годы, проведенные в Париже, атмосферу, которую он так любил, и дружеское окружение, венесуэлец не сдается, — латиноамериканским духом веет от любого его произведения.

Подобную картину открывает и творчество известного кубинца, Энрике Пинеиро⁶¹. Талантливый критик, глубокий мыслитель, редкий знаток зарубежной (не только испанской) литературы, Энрике Пинеиро бережно хранил в душе кубинскую «ноту», дыхание родной земли. С юных лет и до конца жизни он был другом французского поэта Жозе Мариа де Эредиа, однако среди прочих книг, посвященных разным литературным именам и событиям, Пинеиро опубликовал монографию о Хосе Мариа Эредиа⁶². И кто же в центре повествования — француз кубинского происхождения? Нет, типичный кубинец — автор оды «Ниагара».

[...]

Вот мы видим юного Эредиа, погруженного в изучение Гомера, чтение Библии; чуть позже он получает диплом юриста в окружном суде города Камагуэй. А вот он приступает к службе (под присмотром своего дяди Игнасио) в романтическом городе Матансас.

«...В этом городе Эредиа решил на время затеряться, скрыться. Но вскоре вынужден бежать, опасаясь за свою жизнь, и так он добирается до Бостона, преодолевая лихорадку дорожной простуды. Затем, скитаясь по разным городам Америки, преподает испанский, почти не зная в те годы английский, пока, наконец, при поддержке

⁶⁰ Рохас, Хосе Мариа (1828–1907) — венесуэльский дипломат и писатель. На дипломатической службе — в Лондоне, Париже, Мадриде, Гааге. Около полувека прожил в Париже, где и скончался.

⁶¹ Пинеиро Энрике Хосе Немезио (1839–1911) — кубинский писатель, историк; эссеист и литературовед («Романтизм в Испании», «История испанской литературы»).

⁶² Эредиа Хосе Мариа (1803–1839) — кубинский поэт и общественный деятель, один из ярких представителей романтизма в литературе Латинской Америки. Образование получил на Кубе и в Мексике. В 1823 г. принял участие в заговоре, боролся за независимость Кубы. Первая книга стихов вышла в Нью-Йорке в 1825. Кубинским правительством приговорен к пожизненной ссылке. Кузен известного французского поэта парнасской школы Жозе Мариа де Эредиа (1842–1905).

Рокафуэрте⁶³ не становится советником первого, законно избранного президента Мексики — Гуадалупе Викториа⁶⁴. Здесь Эредиа может спокойно работать, создает семью; но словно по воле злого рока, вдруг оказывается втянутым в бурные политические события, пролагающие дорогу правительству генерала Санта Анны⁶⁵.

Разуверившись в своих идеалах, истерзанный неудачами и болезнью, он — приговоренный на Кубе к смертной казни⁶⁶ — обратился к кубинскому правительству за разрешением (и оно было получено) вернуться на родину, в отчий дом. Однако и этой радости Эредиа не узнал: смерть всегда гналась за ним по пятам, подстерегая на полях сражений, но когда, казалось бы, все мучения позади, — жизнь кончилась. А было ему всего лишь тридцать шесть».

[...]

Такова судьба выдающегося кубинского поэта, чей образ очерчен уверенным и ясным пером Энрике Пинейро. Но если бы наш критик ощущал себя действительно парижанином, то в книге центральное место занял бы другой Эредиа, член Французской Академии, прославленный мастер сонетов. И написана она была бы по-французски, или сразу переведена, чтобы порадовать литературный Париж. Автор монографии коснулся бы вскользь примет того времени, когда Эредиа учился в Гаване, зато подробнейшим образом описал бы дружеские отношения поэта с Гюго, Готье и другими парнасцами; посвятил бы целые главы литературному Салону Жозе Мариа де Эредиа, его богатейшей библиотеке и коллекции предметов искусства... И речи бы не возникло о кубинских корнях поэта.

Для парижанина ведь не существует в мире городов, кроме Парижа, а все, что с Парижем не связано, лишено смысла. Давно укоренилось пренебрежение французов ко всему иностранному: они искренне изумляются, если кто-то сможет в чем-то превзойти их, истинных парижан. При встрече с артистом, ученым, любым одаренным иностранцем, французы будто вопрошают: «Но ведь он не француз и тем не менее обладает талантом?» При этом офранцузившегося «чужака» принимают в свой круг с радостью, даруя ему такую же степень исключительности, как и легитимным жителям Парижа.

⁶³ Рокафуэрте-и-Родригес де Бехарано, Висенте (1783–1847) — дипломат и политический деятель, писатель. Президент республики Эквадор (1835–1839).

⁶⁴ Гуадалупе Викториа (1786–1843 наст. имя — Хосе Мигель Рамон Фернандес-и-Феликс) — мексиканский политический деятель, национальный герой Мексики, Первый президент Мексиканской республики (1824–1929). Взял имя в честь Девы Марии Гваделупской, покровительницы Мексики.

⁶⁵ Лопес де Санта Анна Антонио (1791–1876) — мексиканский военный, политический деятель. Несколько раз становился президентом Мексики.

⁶⁶ Х.М. Эредиа был приговорен к пожизненной ссылке.

Кубинский поэт Аугусто де Армас⁶⁷, прибыв в великую столицу, уже был охвачен парижским безумием.

Впитывая дух Лютеции, он, мечтатель и фантазер, весь во власти сновидений и грез, поселился в Латинском квартале, отрастил длинные волосы, начал сочинять на французском прекрасные стихи, — словно молодой поэт парижской богемы. Париж поглотил Аугусто де Армаса. Бедный наш поэт жил с иллюзией славы, посвящал свои стихи, как поэтам достойным, так и обычным графоманам. На него никто не обратил внимания, лишь Банвиль откликнулся на его стихи любезным посланием.

Многие из нас, латиноамериканцев, тешили себя иллюзией близкой славы. Но пути наши складывались по-разному. Так, я например, был страстно увлечен Парижем в свой «допарижский» период, — созданные тогда произведения пропитаны духом Парижа гораздо сильнее, чем родившиеся во время моего пребывания во французской столице. Я всегда ощущал себя среди парижан иностранцем; да и кто помнит сейчас мои рассказы давних лет...?

Случай Гомеса Каррильо⁶⁸ — уникален. Другого писателя иностранного происхождения, который столь же полно впитал бы дух Парижа, не существует. Я говорю об этом не для того, чтобы вознести хвалу. Ни тем более, осудить Гомеса Каррильо. Просто обращаю внимание на этот факт. Именно Гомес Каррильо, — не помню, в каком произведении — написал: «Магию города могут ощутить только истинные парижане». А значит, и он, Гомес Каррильо! Писатель не перешел в своих произведениях на французский только потому, что не считал это необходимым. По стилю он предстает истинным парижанином во всем — игра оттенков, нюансов, психологическая утонченность, мягкая ирония... После кончины Жана Лоррена даже среди французов не найти писателя, столь же напоен духом Парижа, как Энрике Гомес Каррильо.

Вспоминая разные имена (имена какого масштаба!), видишь: Тургенев не может забыть русскую степь, Гейне — Вальхаллу, Макс

⁶⁷ Армас Аугусто де (1869–1893) — кубинский поэт, эссеист и журналист; почти все его произведения созданы на французском. В Париже — с 1888 года; под псевдонимом Жюль Рок публиковался во французской периодике. В 1891 г. увидел свет поэтический сборник «*Rymes bizantines*». Автор исследования о французских романтиках. Умер в Париже.

⁶⁸ Гомес Каррильо, Энрике (1873–1927) — писатель, журналист, эссеист; дипломат. Родился в Гватемале; его мать, Хосефина Тибле Мачадо, имела французские корни. Гомес Каррильо был одним из самых известных писателей Латинской Америки за ее рубежами. Романы его при жизни переводились на французский. Автор ряда литературоведческих исследований («*Модернизм*», 1905, «*Новая литература Франции*» 1922). В 1898 г. — консул Гватемалы в Париже, позже — консул Аргентины в Париже и Ницце. Командор Ордена Почетного Легиона.

Нордау⁶⁹ — замкнутое пространство своих идей, Эусебио Бласко⁷⁰ — Форнос, Мореас — Морею⁷¹, Томазо Маринетти — Милан, Бонафу⁷² — Испанию... Получается, среди «чужаков», иностранцев, только Гомес Каррильо — истинный парижанин. И все же... Сам Каррильо признавался, что иногда ощущал себя странником в этой вавилонской столице. А ему-то таить обиду на Париж нечего: ведь он признан, известен; а мог бы разделить судьбу Аугусто де Армаса и многих других.

Наградив страстного гватемальца изяществом слога и галантностью манер, Париж подарил ему свою улыбку, вкус к утонченным удовольствиям. Гомес Каррильо прибыл в столицу совсем молодым. Он поселился в Латинском квартале, где царили богемные нравы, а его обитатели посвящали время поэзии и любви. Яд бодлерианства и верленизма только начинал действовать. Каррильо застал еще атмосферу литературных встреч в «Ла Плюм», его окружали друзья, он сразу удостоился похвал; в журнале появился портрет: юный Каррильо — черты лица как на римской медали. Среди поклонниц не одна-две, а множество Мими, и все это в том прекрасном возрасте, когда душа и тело «на взлете». Но шли годы, сердце его неизбежно вбирало победы и потери... Полагаю, что Гомес Каррильо никогда не смог бы покинуть Париж, хотя ему довелось пережить и ложь, и неверность обожаемой куртизанки, которая его словно околдовала.

Недавно прочел я небольшую книжку доминиканского писателя Тулио Мануэля Сестеро⁷³. В ней — в форме диалога, с поразительной психологической глубиной — передано ощущение Парижа, воздействие города на душу испаноамериканца: сладостное наваж-

⁶⁹ Нордау, Максимилиан Симон (1849–1923) — австрийский врач, писатель, культуролог. Родился в Будапеште, в 1880 г. поселился в Париже.

⁷⁰ Бласко Солер, Эусебио (1844–1903) — испанский писатель, эссеист, драматург и поэт. Более 15 лет прожил в Париже. В 1881–1894 — сотрудник парижской «Фигаро». Автор книг «Мои современники» (1886), «Париж, столь близкий сердцу: впечатления, портреты, силуэты» (1894).

⁷¹ Древнее названия полуострова Пелопоннес; южная часть современной Греции.

⁷² Бонафу Кинтеро, Луис (1855–1918) — испанский писатель французских корней, родился во Франции; автор мемуаров, эссеист и журналист. Первый испанский корреспондент *El Heraldo* в Париже. В основном жил в Мадриде; в конце 1890-х годов и начале XX века — во французской столице. Автор книг «Французы и француженки», «Испанцы в Париже» (1912).

⁷³ Сестеро Лейва, Тулио Мануэль (1877–1955) — доминиканский писатель, эссеист и драматург. Политический деятель. Много путешествовал по странам Европы и Латинской Америки. Автор исследования «Рубен Дарио: поэт и личность» (1916), посвященного вопросам испаноамериканского модернизма.

дение, но и... опасность, что таит в себе этот притягательный омут. Не знаю, долго ли прожил Сестеро в блистательном городе Париже. Но достоверно известно, что он отважно сражался в рядах республиканцев: Доминиканская Республика — одна из наиболее активных в нашей бунтарской Латинской Америке. «...Мы воевали всегда, с первых дней открытия Америки. В душе испаноамериканца слиты противоречивые начала: индейская печаль, страх негра-раба и присущая испанцу тоска по жизни, полной опасных приключений. Странная смесь наследственных черт превратила нас в людей печальных и своенравных». В стиле возвышенном и строгом Сестеро воссоздает сцены жестоких сражений, в которых ему довелось принимать участие; рисует спокойные пейзажи родного края, где сердца людей чисты, а порывы благородны.

Овеянный благоуханными ветрами своей родины, герой прибывает в Лютецию, гуляет по Бульварам. Вот фрагменты диалога, где разные оттенки восприятия города сменяют друг друга.

«МАРСЕЛО: Эти Бульвары... Сколько желаний устремляется с земель нашей Америки к этой бурной артерии, где наслаждение и боль образуют единый поток... Прилететь в Париж, пройти по Бульварам — вот стойкое наваждение, преследующее всех жителей наших горячих, раскаленных солнцем земель, — кто бы они ни были: политики, торговцы, интеллигенты... И в общем-то они правы: дорога эта словно опоясывает земной шар, она неповторима. Ни лондонская Пикадилли, ни Бродвей, ни Унтер дер Линден в Берлине — ни одной из этих улиц не дано ласково обнимать тебя, словно волна... Но Париж может и больно ударить. Водоворот Бульваров затягивает, соединяя в бурном течении страстные мечты и печаль, безумную радость и тревогу... Волны, журча, сбегают с вершины Монмартра, с холмов Батиньоля, разливаясь по Латинскому кварталу. В этом потоке — реки всех других стран; течение кажется спокойным, но впечатление обманчиво, поток коварен. А тихие заводы — открытые террасы парижских кафе... Какое упоительное чувство — встретить этот бурный прилив, а потом, собрав все силы, умирить его. Ведь стоит отдаться на волю волн, и ты пропал — тошнота подступает к горлу, накрывает марево...

АНДРЕС: А я, напротив, всегда ощущаю прилив энергии, страстное желание завоевать одобрение окружающих, симпатию парижанок; я словно уже взобрался на пьедестал, и ко мне устремлены восхищенные взгляды, — там, внизу упоительное разнообразие строгих шляп и кокетливых шляпок, украшенных перьями. И я повторяю про себя: «Париж, я тебя завоюю».

МАРСЕЛО: Это иллюзия. Париж завоевать невозможно. Он изменчив и обманчив: попробуй удержать воду в кулаке, пустое за-

нятие. Нам надо воплощать свои мечты на земле нашей Америки, обгащенной кровью предков. Увы! Золото наших приисков и наших желаний, мыслей — все устремляется к Парижу; молодых, здоровых, с распахнутой миру душой мужчин Париж постепенно превращает в больных, отчаявшихся, равнодушных стариков. *Café de la Paix, Maxime*, — улыбки, наряды, атмосфера богемы...»

Конечно, Марсело был Парижем очарован, радостно подчинился его роковой волшебной силе. Но однажды, после ночи винного угара, он глубоко вдохнул холодный утренний воздух и, посреди пустынных улиц, вдруг воскликнул: «Эта волна меня затянула, победила, я иду ко дну... А парижское небо — грязный лоскут и солнца не видно, не видно солнца... солнца».

Париж бесконечен — встречи, благосклонные улыбки женщин, атмосфера беспечности, веселья. И никто из приехавших в этот город не предпочтет мадам Мари Кюри мадемуазель Лиан де Пужи⁷⁴. Для меня Париж — это женщина, манящий аромат.

А Тулио Сестеро покидает Париж, вылетает на конгресс в Гаагу, потом в Санто-Доминго, сражаться в рядах повстанцев... Но там с ним всегда будет, согревая душу, яркое солнце. Солнце родной земли.

(1911)

⁷⁴ Лиан де Пужи (наст. имя Анна-Мари де Шассель, 1869–1950) — французская танцовщица, артистка балета; писательница.